

ИЗ РОМАНА — НА СЦЕНУ

ИНСЦЕНИРОВКА «ПОДНЯТОЙ ЦЕЛИНЫ»

На страницах нашей газеты было напечатано сообщение о том, что Московский театр имени А. С. Пушкина и Ростовский драматический театр приступили к репетиционной работе над инсценировкой второй части романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». Читатели заинтересовались, что представляет собой эта инсценировка. В связи с этим мы публикуем сегодня статью, рассказывающую об инсценировке.

* * *

«ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» М. Шолохова — книга жизни народной.

Целина живой земли, вспаханной, засеянной, обласканной людьми. И разрастаясь, целина человеческая.

Люди, в схватках с классовым врагом прокладывающие на своей земле путь в коммунизм. Страсти людские. Людские идеи — коммунистические идеи, которым эти страсти подчиняются и служат. Многое вмещается в поле зрения автора...

Вторая часть шолоховского романа, хотя и уходит своими корнями в часть первую, развивая и завершая судьбы ее героев, живет тем не менее своей, независимой жизнью.

Да, это самостоятельное произведение. Герои ее — коммунисты Давыдов, Нагульнов, Разметнов, вошедшие в новый, зрелый возраст души. Главное устремление их, основная жизненная задача — борьба за человека, за воспитание коммунистического сознания в народе.

Созидание нового, лучшего в человеке, преодоление в нем всего того, что держит его в прошлом, — вот главный пафос этой второй части романа, обеспечивающий его остро современное, сугубо сегодняшнее звучание. Поэтому такой необходимой и плодотворной оказалась мысль отдать этих героев сегодняшней сцене.

Поэтому и родилась «Поднятая целина» — драма в трех действиях по второй части одноименного романа — инсценировка П. Демина с автографом Михаила Шолохова на титульном листе.

Одно из основных достоинств этой пьесы то, что, стремясь быть предельно точной по отношению к роману, к его художественному и смысловому богатству, она живет жизнью не отраженной, а следовательно, и не обедненной (как это часто бывает в инсценировках), а имеет свое самостоятельное звучание, свой законченный драматургический облик.

Главный смысл второй части романа, его лейтмотив — осознанная борьба Нагульнова и Давыдова — этих рыцарей революции — за коммунизм, активное вовлечение народа в процесс жизнестроительства, формирование в этом процессе самих человеческих душ.

Становление в человеке коммунистического сознания — цель, которой с яркостью, с великой самоотверженностью отдают себя герои шолоховского романа.

Автор инсценировки, бережно относясь к шолоховскому слову, с огромной тщательностью драматургически организует все мотивы, обстоятельства жизни героев и мысли писателя, пусть даже мимоходом брошенные, которые в романе раскрывают в разных планах именно эту тему — борьбу за нового человека, поэзию общественной жизни.

Отсюда очень напряженный ритм этой общественной жизни, активно нарастающий драматизм действия. В центре внимания автора пьесы — действие не внешнее, не развитие сюжета, как такового, а движение характеров, стремление раскрыть психологические основы борьбы, которая составляет содержание шо-

лоховского произведения, не нарушая логики его развития.

Поэтому, несмотря на обилие эпизодов, на их частую смену, не возникает ощущения дробности действия, рыхлости его или незавершенности — просчетов, столь частых при попытках перевести прозаическое произведение в область драматургии. Наоборот, непрерывность развития его главной темы обеспечивает внутреннюю цельность, органичность действия, нарастание, усиление его поэтического звучания.

В ЦЕНТРЕ — два образа, два человеческих характера — Давыдов и Нагульнов. Два коммуниста — личности разные и потому дополняющие друг друга, делающие объемным и богатым единый образ большевика, воина революции. Образ, художественно убедительный, четкий, восхищающий глубочайшей чистотой и человечностью. Образ, по которому истосковалась современная пьеса.

Для возможно более полного, многогранного раскрытия характеров этих людей оказалось необходимым включить в инсценировку те сцены, в которых было бы очевидным все несходство, разность этих человеческих натур при их внутреннем родстве, при общности цели, которой они служат.

Мятежность духа Давыдова, нечеткость шага бросают его то в объятия Лушки, то прочь от нее. Яростные попытки уйти от себя, обрести покой в труде раскрываются в эпизодах на полевом стане, во встрече с секретарем райкома Нестеренко, во взаимоотношениях с полюбившей его Варей. Вот веки развития этого обаятельного, очень земного характера.

А рядом Нагульнов с его покоряющей способностью к самоограничению, к отрешенности от всяких соблазнов, с органически свойственным ему, лишенным какой-либо позы аскетизмом борца.

В избе, тускло освещенной семилитровой лампочкой, под яростный «благовест» хуторских петухов Макар зубрит английский язык. И не почему-нибудь, а из расчета на мировую революцию, которая предоставит ему наконец возможность категорически, «без нежностей» поговорить с «мировой контрой». И — сомнений быть не может — от Макара Нагульнова «контре» помилования не ждать.

Преданность Нагульнова идеям партии, его одержимость в устремлении к цели диктуют ему соответствующий образ жизни. И дают власть над сердцами.

«Бабы для нас, революционеров, это, братец ты мой, чистый опиум для народа». А значит, «не надо баб» — вот первая его заповедь. Коммунисты, как солдаты одной роты, никогда не должны терять чувства локтя — вторая заповедь. И, наконец, идти на любое дело, куда ни пошлет тебя партия, — в этом заключается партийная честь.

Люди интуитивно тянутся к Давыдову и Нагульнову. Поэтому так значительны по смыслу все эпизодические встречи Давыдова с Варей (в них зарождение отношений, немало не напоминающих банальный роман), и все сцены, в которых раскрываются отношения Нагульнова с Щукарем, питающим по-ребячьи трогательную привязанность к «Макарушке», испытывающим гордость оттого, что их дружба такая «агромадная».

Да и сам Щукарь предстает неожиданно в новом свете — не как комедийная фигура, а как глубоко лирический человек, чье одиночество, чья чистая привязанность к

«Макарушке» и искреннее желание разобраться в ходе истории должны вызвать в зрителе много сердечного сочувствия к нему. Не случайно Щукаря в инсценировке делается возможной поговорить всласть. И не только потому, что так обаятелен и живописен этот незадачливый старик во всех его сложных взаимоотношениях с миром (единоборство с драчливым козлом, прохождение курса наук по толковому словарю, несусветная путаница во взглядах), а главным образом потому, что за всей этой болтовней явственно проступает развитие характера шолоховского героя: процесс расставания Щукаря с собственническими и, казалось бы, такими прочными привычками. И вот уже поэзиявольной мысли бессребренника, чье хозяйство — «две чистенькие курочки да один петушок», владеет душой человеческой.

Вот для того чтобы возможно более полно предстало содержание борьбы коммунистов за человеческое в человеке, стало принципиально необходимым акцентировать те моменты в романе, где Шолохов промечает становление нового в людях, все сцены, увеличивающие стан коммунистов.

Поначалу может показаться, а нужна ли встреча Давыдова со строптивым, анархически настроенным казаком Устином Рыкиным? К чему все это балагурство и словесный поединок с Давыдовым? Не затягивают ли эти диалоги ритм инсценировки? А итог таков — Устин, который начал с того, что активно пытался подорвать авторитет Давыдова, пришел к тому, что неожиданно для себя самого оказался в первых рядах борцов за общее дело. Развитию этой темы служит и приход в партию Агафона Дубцова, Кондрата Майданикова как свидетельство роста сознательности, ответственности людей за будущее.

Сцена приема их в партию, шолоховски живая, сердечная, полная глубокой мысли и народного юмора, — одна из центральных сцен пьесы. И это знаменательно.

В инсценировке П. Демина вообще нет упора на внешнюю эффектность, на все те, казалось бы, выигрышные для сцены моменты в сюжете, которые могли бы увести действие в область детектива или придать ему мелодраматический оттенок.

О том, как прощалась Лушка с убитым Тимофеем, а затем ушла на зорьке из хутора, в пьесе, как и в романе, рассказывает Давыдову Нагульнов. А разве не было соблазнительно для автора инсценировки перевести эти сцены в иллюстративный план, наглядно показать, как все это «чувствительно» выглядело? Однако автор избежал этой опасности — и шире, глубже оказался психологический план пьесы. Строже, динамичнее ее внутренняя линия. Рельефнее предстала частота взаимоотношений между друзьями коммунистами, степень их доверия друг к другу.

То же и с темой лирической. Все эпизоды, штрихи, разбросанные по роману и раскрывающие отношения Давыдова с женщинами: преодоление тяги к Лушке, а затем возникновение тихой нежности к Варе, потребность помогать ее семье (сцена на полевом стане, объяснение в любви, сцена сватовства) вошли в инсценировку. Не для развлекательности, а для достижения одной достойной цели — глубже раскрыть внутренний мир коммуниста, логику его поведения. Показать весь народ в трудном движении вперед.

Поэтому и сцена схватки партийцев с заговорщиками из подполья, сцена, в которой гибнут Давыдов и Нагульнов, при всей ее драматичности, не стала доминирующей. Она лаконична, строга. А главным остался пафос жизнеутверждения, эпизоды, раскрывающие партийную деятельность этих людей.

КАК ПРУЖИНА, закручивается к финалу действие инсценировки. Восьмая картина — это

апофеоз жизни: помолвка Давыдова, появление на свет нового человека, предстоящая свадьба Разметнова. И тут же как юмористическая разрядка — известие о гибели драчливого козла, без которого вообще обнищала жизнь бедного Щукаря. В крутом кипении жизнь соседствует со смертью, с убийством «заготовщиков скота», но побеждает все же жизнь. Побеждает даже в эпилоге.

Обнесенные невысокой деревянной оградой могилы Давыдова и Нагульнова — на самом краю хутора, в поле, где море пшеницы и солнечного света.

Звучат шолоховские прощальные слова: «Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отпела им поспевающая пшеница, отзвенела по камням безымянная речка, текущая откуда-то с верховьев Гремлячего буерака... Вот и все!».

Поют гремлячинские петухи... Эта музыка петушиного «хорала», с которой и начиналась пьеса, возвращает зрителей к первой встрече с Нагульновым.

«Ты слышишь, Макарушка? — спрашивает Щукарь, картузом вытирая слезы, — как в архиерейском соборе... как на смотру дивизии...».

«Пение петухов постепенно перерастает в звучание оркестра. Встает жаркое летнее солнце. Степной утренний ветерок гонит желтые волны по бескрайнему, как море, пшеничному полю, подступающему к самым могилам». И нет горя. Есть ощущение благородства жизни, которая отдана людям.

Очень нелегко вместишь в рамки инсценировки богатейшее содержание шолоховского романа. Да так, чтобы земля под ногами героев, небо над их головами и все, что их окружает, сохранило бы тепло и яркость живых шолоховских красок. И чтобы люди, их страдания, радости, надежды, и тот бой, который они ведут в мире за торжество коммунизма, — словом, все многообразие их жизни предстало бы как единое драматургическое целое.

И тем не менее в основном это достигнуто. Достигнуто потому, что автор инсценировки очень бережно, благоговейно подошел к произведению, стараясь не повредить природе его живой, тонкой ткани.

Думается, что в пьесе сохранена мудрая партийная мысль писателя, возвышенный строй души его коммунистов и многообразие человеческих судеб. И глубоко поэтическая интонация влюбленности в свою землю, в сердца людей, бьющиеся как одно сердце, в бесконечную талантливость народного характера.

Все то, что составляет силу и обаяние Михаила Шолохова — художника и мыслителя, — сообщает большое дыхание и инсценировке его романа.

И. ПАТРИКЕЕВА.

ИЗ РОМАНА — НА СЦЕНУ

ИНСЦЕНИРОВКА «ПОДНЯТОЙ ЦЕЛИНЫ»

На страницах нашей газеты было напечатано сообщение о том, что Московский театр имени А. С. Пушкина и Ростовский драматический театр приступили к репетиционной работе над инсценировкой второй части романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». Читатели заинтересовались, что представляет собой эта инсценировка. В связи с этим мы публикуем сегодня статью, рассказывающую об инсценировке.

* * *

«ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» М. Шолохова — книга жизни народной.

Целина живой земли, вспаханной, засеянной, обжитой людьми. И растревоженная целина человеческая.

Люди, в схватках с классовым зрагом прокладывающие на своей земле путь в коммунизм. Страсти людские. Людские идеи — коммунистические идеи, которым эти страсти подчиняются и служат. Многое вмещается в поле зрения автора...

Вторая часть шолоховского романа, хотя и уходит своими корнями в часть первую, развивая и завершая судьбы ее героев, живет тем не менее своей, независимой жизнью.

Да, это самостоятельное произведение. Герои ее — коммунисты Давыдов, Нагульнов, Разметнов, вошедшие в новый, зрелый возраст души. Главное устремление их, основная жизненная задача — борьба за человека, за воспитание коммунистического сознания в народе.

Созидание нового, лучшего в человеке, преодоление в нем всего того, что держит его в прошлом, — вот главный пафос этой второй части романа, обеспечивающий его остро современное, сугубо сегодняшнее звучание. Поэтому такой необходимой и плодотворной оказалась мысль отдать этих героев сегодняшней сцене.

Поэтому и родилась «Поднятая целина» — драма в трех действиях по второй части одноименного романа — инсценировка П. Демина с автографом Михаила Шолохова на титульном листе.

Одно из основных достоинств этой пьесы то, что, стремясь быть предельно точной по отношению к роману, к его художественному и смысловому богатству, она живет жизнью не отраженной, а следовательно, и не обедненной (как это часто бывает в инсценировках), а имеет свое самостоятельное звучание, свой законченный драматургический облик.

Главный смысл второй части романа, его лейтмотив — острая борьба Нагульнова и Давыдова — этих рыцарей революции — за коммунизм, активное вовлечение народа в процесс жизнестроительства, формирование в этом процессе самих человеческих душ.

Становление в человеке коммунистического сознания — цель, которой с яростью, с великой самоотверженностью отдают себя герои шолоховского романа.

Автор инсценировки, бережно относясь к шолоховскому слову, с огромной тщательностью драматургически организует все мотивы, обстоятельства жизни героев и мысли писателя, пусть даже мимоходом брошенные, которые в романе раскрываются в разных планах именно эту тему — борьбу за нового человека, поэзию общественной жизни.

Отсюда очень напряженный ритм этой общественной жизни, активно нарастающий драматизм действия. В центре внимания автора пьесы — действие не внешнее, не развитие сюжета, как такового, а движение характеров, стремление раскрыть психологические основы борьбы, которая составляет содержание шолоховского произведения, не нарушая логики его развития.

Поэтому, несмотря на обилие эпизодов, на их частую смену, не возникает ощущения дробности действия, рыхлости его или незавершенности — просчетов, столь частых при попытках перевести прозаическое произведение в область драматургии. Наоборот, непрерывность развития его главной темы обеспечивает внутреннюю цельность, органичность действия, нарастание, усиление его поэтического звучания.

В ЦЕНТРЕ — два образа, два человеческих характера — Давыдов и Нагульнов. Два коммуниста — личности разные и потому дополняющие друг друга, делающие объемным и богатым единый образ большевика, воина революции. Образ, художественно убедительный, четкий, воспевающий глубочайшей чистотой и человечностью. Образ, по которому истосковалась современная пьеса.

Для возможно более полного, многогранного раскрытия характеров этих людей оказалось необходимым включить в инсценировку те сцены, в которых было бы очевидным все несходство, разность этих человеческих натур при их внутреннем родстве, при общности цели, которой они служат.

Мятежность духа Давыдова, нечеткость шага бросают его то в объятия Лушки, то прочь от нее. Яростные попытки уйти от себя, обрести покой в труде раскрываются в эпизодах на полевом стане, во встрече с секретарем райкома Нестеренко, во взаимоотношениях с полюбившей его Варей. Вот веки развития этого обязательного, очень земного характера.

А рядом Нагульнов с его покоряющей способностью к самоограничению, к отрешенности от всяких соблазнов, с органически свойственным ему, лишенным какой-либо позы аскетизмом борца.

В избе, тускло освещенной семилетней лампочкой, под яростный «благостный» хуторских петухов Макар зубрит английский язык. И не почему-нибудь, а из расчета на мировую революцию, которая предоставит ему наконец возможность категорически, «без нежностей» поговорить с «мировой контрой». И — сомнений быть не может — от Макара Нагульнова «контре» помилосердия не ждать.

Преданность Нагульнова идеям партии, его одержимость в устремлении к цели диктуют ему соответствующий образ жизни. И дают власть над сердцами.

«Бабы для нас, революционеров, это, братец ты мой, чистый опиум для народа». А значит, «не надо баб» — вот первая его заповедь. Коммунисты, как солдаты одной роты, никогда не должны терять чувства локтя — вторая заповедь. И, наконец, идти на любое дело, куда ни пошлет тебя партия, — в этом заключается партийная честь.

Люди интуитивно тянутся к Давыдову и Нагульнову. Поэтому так значительны по смыслу все эпизодические встречи Давыдова с Варей (в них зарождение отношений, нимало не напоминающих банальный роман), и все сцены, в которых раскрываются отношения Нагульнова с Шукарем, питающим по-ребячьи трогательную привязанность к «Макарушке», испытывающим гордость оттого, что их дружба такая «агромадная».

Да и сам Шукарь предстает неожиданно в новом свете — не как комедийная фигура, а как глубоко лирический человек, чье одиночество, чья чистая привязанность к

«Макарушке» и искреннее желание разобраться в ходе истории должны вызвать в зрителе много сердечного сочувствия к нему. Не случайно Шукаря в инсценировке дается возможность поговорить всласть. И не только потому, что так обязателен и живописен этот незадачливый старик во всех его сложных взаимоотношениях с миром (единоборство с драчливым козлом, прохождение курса наук по толковому словарю, несуетная путаница во взглядах), а главным образом потому, что за всей этой болтовней явственно проступает развитие характера шолоховского героя: процесс расставания Шукаря с собственническими и, казалось бы, такими прочными привычками. И вот уже поэзиявольной мысли бесбревенника, чье хозяйство — «две чистенькие курочки да один петушок», владеет душой человеческой.

Вот для того чтобы возможно более полно предстало содержание борьбы коммунистов за человеческое в человеке, стало принципиально необходимым акцентировать те моменты в романе, где Шолохов пророчески становится новым в людях, все сцены, увеличивающие стан коммунистов.

Поначалу может показаться, а нужна ли встреча Давыдова со строптивым, анархически настроенным казаком Устином Рыклиным? К чему все его балагурство и словесный поединок с Давыдовым? Не затягивают ли эти диалоги ритм инсценировки? А итог таков — Устин, который начал с того, что активно пытался подорвать авторитет Давыдова, пришел к тому, что неожиданно для себя самого оказался в первых рядах борцов за общее дело. Развинутой этой теме служит и приход в партию Агафона Дубцова, Кондрата Майданикова как свидетельство роста сознательности, ответственности людей за будущее.

Сцена приема их в партию, пошолоховски живая, сердечная, полная глубокой мысли и народного юмора, — одна из центральных сцен пьесы. И это знаменательно.

В инсценировке П. Демина вообще нет упора на внешнюю эффектность, на все те, казалось бы, выигрышные для сцены моменты в сюжете, которые могли бы увести действие в область детектива или придать ему мелодраматический оттенок.

О том, как прощалась Лушка с убитым Тимофеем, а затем ушла на зорьке из хутора, в пьесе, как и в романе, рассказывает Давыдову Нагульнов. А разве не было соблазнительно для автора инсценировки перевести эти сцены в иллюстративный план, наглядно показать, как все это «чувствительно» выглядело? Однако автор избежал этой опасности — и шире, глубже оказался психологический план пьесы. Строже, динамичнее ее внутренняя линия. Рельефнее предстала чистота взаимоотношений между друзьями коммунистами, степень их доверия друг к другу.

То же и с темой лирической. Все эпизоды, штрихи, разбросанные по роману и раскрывающие отношения Давыдова с женщинами: преодоление тяги к Лушке, а затем возникновение тихой нежности к Варе, потребность помогать ее семье (сцена на полевом стане, объяснение в любви, сцена сватовства) вошли в инсценировку. Не для развлекательности, а для достижения одной достойной цели — глубже раскрыть внутренний мир коммуниста, логику его поведения. Показать весь народ в трудном движении вперед.

Поэтому и сцена схватки партийцев с заговорщиками из подполья, сцена, в которой гибнут Давыдов и Нагульнов, при всей ее драматичности, не стала доминирующей. Она лаконична, строга. А главным остался пафос жизнеутверждения, эпизоды, раскрывающие партийную деятельность этих людей.

КАК ПРУЖИНА, закручивается к финалу действие инсценировки. Восьмая картина — это

апофеоз жизни: помолвка Давыдова, появление на свет нового человека, предстоящая свадьба Разметнова. И тут же как юмористическая разрядка — известие о гибели драчливого козла, без которого все обнищала жизнь бедного Шукаря. В крутом кипении жизнь соседствует со смертью, с убийством «заготовщиков скота», но побеждает все же жизнь. Побеждает даже в эпилоге.

Обнесенные невысокой деревянной оградой могилы Давыдова и Нагульнова — на самом краю хутора, в поле, где море пшеницы и солнечного света.

Звучат шолоховские прощальные слова: «Вот и отпели донские солдаты дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшептала им поспеваящая пшеница, отзвенела по камням безымянная речка, текущая откуда-то с верховьев Гремячего буерака... Вот и все!».

Поют гремячинские петухи... Эта музыка петушиного «хорала», с которой и начиналась пьеса, возвращает зрителей к первой встрече с Нагульновым.

«Ты слышишь, Макарушка? — спрашивает Шукарь, картузом вытирая слезы, — как в архиерейском соборе... как на смотре дивизии...».

«Пение петухов постепенно перерастает в звучание оркестра. Встает жаркое летнее солнце. Степной утренний ветерок гонит желтые волны по бескрайнему, как море, пшеничному полю, подступающему к самым могилам». И нет горя. Есть ощущение благородства жизни, которая отдана людям.

Очень нелегко вместишь в рамки инсценировки богатейшее содержание шолоховского романа. Да так, чтобы земля под ногами героев, небо над их головами и все, что их окружает, сохранило бы тепло и яркость живых шолоховских красок. И чтобы люди, их страдания, радости, надежды, и тот бой, который они ведут в мире за торжество коммунизма, — словом, все многообразие их жизни предстало бы как единое драматургическое целое.

И тем не менее в основном это достигнуто. Достигнуто потому, что автор инсценировки очень бережно, благоговейно подошел к произведению, стараясь не повредить природы его живой, тонкой ткани.

Думается, что в пьесе сохранена мудрая партийная мысль писателя, возвышенный строй души его коммунистов и многообразие человеческих судеб. И глубоко поэтическая интонация влюбленности в свою землю, в сердца людей, бюющийся как одно сердце, в бесконечную талантливость народного характера.

Все то, что составляет силу и обаяние Михаила Шолохова — художника и мыслителя, — сообщает большое дыхание и инсценировке его романа.

И. ПАТРИКЕЕВА.